

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Б. Безбородов

Октябрь 1917 г. и оборонный тип
сознания советских граждан

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Bezborodov.pdf>

URL: <http://www.civisbook.ru>

А.Б. Безбородов

*Доктор исторических наук, профессор, директор историко-архивного
Института РГГУ*

Октябрь 1917 г. и оборонный тип сознания советских граждан

Давно рухнула Берлинская стена, однако проблема советского революционного наследия до сих пор актуальна. В архив не сданы ни психология властей, ни менталитет советско-российского народа. А вместе с ними – и оборонный тип сознания граждан, истоки которого уходят корнями в глубину веков. Сегодня вновь востребован тезис о многополярном мире, в нем Россия пытается (пока теоретически) выстроить оборону против неустроенности мира однополярного (читай: с американским доминированием). Увидеть проблему во всей полноте помогает обращение к ранней советской истории.

Октябрьский переворот 1917 г. актуализировал ленинскую мысль о необходимости для каждой успешной революции достичь умения защищать себя.

В.И. Ленин после взятия большевиками в Октябре 1917 г. власти назвал себя и свою партию «оборонцами»¹. Он и его правительство в феврале 1918 г. выступили с целостной программой формирования у населения оборонного типа сознания. Программа вошла в историю под названием актуального для того времени лозунга «Социалистическое отечество в опасности!» и включала несколько важных положений:

- о всеобъемлющем характере мобилизационных мероприятий и сокращении невоенной деятельности государства;
- о введении особого режима транспортного сообщения и продовольственного снабжения в стране, милитаризации правящей партии;
- о мобилизации населения тыла в трудовые батальоны;
- ужесточении цензуры в печати и усилении борьбы с контрреволюционной агентурой².

Однако большевистские ожидания мировой революции уже к 1924 г. не имели под собой оснований. И.В. Сталину ничего не оставалось делать, как провозгласив СССР «осажденной крепостью», приступить к «строительству социализма в одной стране». Уже в 1939 г. Советский Союз тратил на оборонные нужды свыше 30% своего ВВП. После победы в Великой Отечественной войне в Советском Союзе продолжала культивироваться идеология «осажденной крепости». Но теперь ее цементировал синдром внезапного нападения немцев – «синдром 22 июня 1941 г.». Поэтому, когда пришло сообщение о речи У. Черчилля в Фултоне (1946 г.), реакцией населения СССР на него стало распространение панических слухов «сегодня – завтра начнется война». Понадобилось известное вы-

ступление И.В. Сталина — собственно все это вместе и дало импульс «холодной войне». Дело дошло до того, что даже кампания по сбору подписей под Стокгольмским воззванием за запрещение атомного оружия в 1950 г. вызвала у советских людей старые опасения о возможности военного конфликта. Слухи о том, что новая война может все-таки грянуть, в первые послевоенные годы распространились не только среди «простого народа», но затрагивали и образованные слои общества. Формировалось особое отношение к жизни: «только бы не было войны»³.

Оборонный тип сознания воспроизводил элементы милитаристской психологии, носители которой — советские граждане — выражали, в частности, сомнения такого рода: а была ли минувшая война доведена до «победного конца». «Плохо сделали, что после взятия Берлина не разгромили «союзников». Надо было бы спустить их в Ла-Манш. И сейчас Америка не бряцала бы оружием»⁴, — звучало в 1947 г.

Официальная пропаганда с упоением формировала из недавних союзников образ врага, в первую очередь, в лице США. Доминировала идея защиты национально-государственных интересов, СССР как преемника тысячелетнего Российского государства. Пропагандистские атаки сталинского руководства дополнялись усилиями советских писателей. Лейтмотивом многих художественных произведений позднесталинской эпохи стала мысль о том, что Советский Союз окружают враги, они явно и тайно готовят удар в спину народа, поэтому нужно воспитывать бдительность, ненависть к врагу и повсеместно разоблачать его агентов. В общественном сознании укоренился образ американца, американской культуры, Соединенных Штатов Америки в целом как глубоко враждебных советскому человеку, духовной жизни СССР, коммунистическим идеалам.

В унисон с «инженерами человеческих душ» выступали создатели учебной литературы для массового читателя. Одиозный «Краткий курс истории ВКП (б)» ушел в прошлое, а место руководящего партийного пособия занял учебник «История Коммунистической партии Советского Союза» (М., 1959), авторский коллектив которого возглавил Б.Н. Пономарев. На его страницах США были названы виновниками развязывания холодной войны, в ходе которой, в свою очередь, возросла угроза третьей мировой войны⁵.

Относительная эффективность пропагандистских усилий властей по формированию особого типа сознания советских граждан, особой ментальности «защитника Отечества» до какого-то времени с лихвой компенсировала отставание отечественной промышленности, сельского хозяйства, оборонного сектора экономики. Последний отличался, в частности, ресурсной расточительностью, высокой аварийностью, неоправданным дублированием систем вооружения и представлял собой принципиальное звено антиамериканской пропаганды в стране. При этом внешнеэкономическое давление оборонного комплекса, включавшего и ВПК, на советскую экономику возрастало. На фоне усиливающейся гонки вооружений советская «оборонка» выступила в роли своеобразного генератора оборонного типа сознания советских людей.

Итак, оборонный тип сознания – это исторически и политически устойчивый сегмент общественного сознания граждан, формирующий мировоззренческие, поведенческие стереотипы и мифы в условиях естественных и искусственно созданных угроз человеческой жизни. Функциональная структура этого типа сознания выглядит следующим образом:

- функция реанимации образа старого врага;
- функция регенерации образа нового врага;
- мобилизационная функция;
- консервативно-охранительная функция.

Данный тип сознания – категория историческая, зависящая от хода отечественной модернизации. А она, как известно, носила зеркально-копирующий по отношению к Западу характер. С.Н. Хрущев вспоминал: «Иногда создавалось ощущение, что нашими работами (в области космических программ – А.Б.) руководят из Пентагона. Урезали ассигнования на «Дайна Сор» (космический самолет США – А.Б.), и тут же нам начинали пенять на бесполезную трату денег. Приходила информация о возобновлении интереса у американских военных к этой проблеме – и нам подбавляли кислорода»⁶.

Хрущевская оттепель давала стране уникальный шанс перехода к формированию гражданского общества с соответствующим, более широким и менее ксенофобским типом мышления у народа.

Вступление СССР в эпоху научно-технической революции (середина 1950-х гг.) представляло собой объективный исторический процесс, отражавший целый ряд глобальных тенденций: унификацию военных технологий, развитие электронно-вычислительной техники, ракетостроения, ядерной энергетики и др.

Состоявшейся в этот период XX съезд КПСС попытался в духе времени ответить на вызовы глобальных трансформаций, что вывело его за рамки события, связанного, главным образом, с разоблачением культа личности Сталина. Стремясь преодолеть идеологический и политический догматизм прежнего советского руководства и отражая специфику глобального научно-технического переворота той эпохи, XX съезд придал историческому развитию Советского Союза два импульса: один – общецивилизационный, созвучный потребностям общества массового потребления, а другой – внутрисистемный, направленный на демократизацию общественно-политической жизни СССР. И если действие первого импульса было исторически устойчивым, то второй в основном иссяк вместе с пресечением реформаторского курса 1968 г. в Чехословакии.

Партийно-политическая элита даже разработала собственные «стадии экономического роста»:

- 1959 г. – утверждение полной и окончательной победы социализма в СССР;
- 1961 г. – провозглашение начала построения в Советском Союзе материально-технической базы коммунизма;

– 1967, 1971 гг. – выдвижение тезиса о развитом социалистическом обществе.

Но за данными формулировками не было качественного движения в сторону современной модели гражданского общества, опорой которого могли стать рабочие, научно-техническая интеллигенция, корпус передовых управленцев. К такому развитию событий призывали реформаторские силы коммунистических партий Чехословакии, Югославии, Франции, Испании, однако в то время победила сталинская модель номенклатурного социализма.

К тому же советскому обществу была предложена концепция «социалистического содружества», сердцевиной которого являлась «доктрина Брежнева», отличавшаяся явной милитаристской направленностью и квазиреволюционным мессианством Октября 1917 г. С помощью именно этой доктрины СССР подавил Пражскую весну. КПСС заклеимила еврокоммунизм испанских, французских и других «братьев по классу». Свертывание политической и производственной демократии привело к тому, что вхождение Советского Союза в очередную мировую стадию научно-технической революции резко затормозилось, а идеология «осажденной крепости» вновь взяла верх.

Настоящая проблематика может быть широко представлена в учебном процессе – при чтении спецкурсов по внешней политике СССР/РФ, международным отношениям, истории мирового ВПК, исторической психологии, истории повседневности и др.

¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 395.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357 – 358; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.9, доп. и испр. Т. 2. 1917 – 1922. – М., 1983. С. 176, 212.

³ См.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. – М., 1999. С. 128–130.

⁴ Цит. по: *Зубкова Е.Ю.* Указ соч. С. 128.

⁵ См.: *История Коммунистической партии Советского Союза.* – М., 1959. С. 585.

⁶ *Хрущев С.* Никита Хрущев: кризисы и ракеты. – М., 1994. Т. 1. С. 481.